

Дарья Волкова
ПОЗДНИЙ
ЭКСПРЕСС

18+

Дарья Александровна Волкова
Поздний экспресс
Серия «Романтика с
веселой приправой (АСТ)»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69302749
Поздний экспресс: Издательство АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-155103-2*

Аннотация

Надежда – студентка МГИМО, Виктор – студент политеха. Они дружат с детства и никаких особенных чувств друг к другу не испытывают, как вдруг...

Надя знакомит Виктора со своей подругой, и тут на ее глазах между ее друзьями начинается бурный роман. Всё может отдать девушка своей подружке, всё, только не того парня, которого она давным-давно считала своей собственностью. Ее чувство переходит в страсть, доходящую почти до умопомрачения, страсть, пределы которой даже трудно представить. Но Виктор словно и не замечает, как изменилась к нему его подруга детства. Или не хочет замечать?..

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	16
Глава третья	31
Глава четвертая	43
Глава пятая	55
Глава шестая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Дарья Волкова

Поздний экспресс

© Д. Волкова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Глава первая

Моя жизнь – это поезд.

*В лучшие мои моменты мне кажется,
что я им управляю.*

В худшие я представляю себя пассажиром.

А иногда понимаю, что лежу на рельсах.

С просторов Интернета.

– Вектор, спасай!

– У меня пара, вообще-то, – шипит он в трубку и голову пригибает, чтобы Тепеш¹ не заметил.

– Вик, прошу, без тебя никак!

– Говорю тебе, я на паре! – Хочется рывкнуть на эту куклу бестолковую, но орать шепотом он пока не научился.

– Перезвони мне! Выйди из аудитории и перезвони! Сейчас же! – безапелляционно, и короткие гудки.

Только она умеет так просить. Просьба в форме приказа – ноу-хау Надечки Соловьевой, будь она трижды проклята! Надо перезвонить, иначе не позднее, чем через минуту, его телефон снова завибрирует. Выключить? Не вариант, потом она его съест живьем. Оценивающий взгляд в сторону распинаящегося у доски, вошедшего в раж профессора кафедры экспериментальной физики Петра Викентьевича Теп-

---

¹ Тепеш – Влад Тепеш (Цепеш), румынский господарь в незапамятные годы, он же Дракула.

лова. Вышеуказанный преподаватель еще на втором курсе чрезмерно образованными студентами был переименован в Тепеша за скверный характер, который приписывали его надвигающемуся старческому маразму, и редкую придирчивость, которая являлась фирменным знаком кафедры «экспериментальщиков».

Маразм маразмом, а всех студентов, посещающих его лекции, он помнил и поименно, и в лицо. Требовал стопроцентной явки на свои занятия и такой же стопроцентной дисциплины. В диспуты, впрочем, увлеченно втягивался, вот только дискутировать с ним дураков было мало, да и те быстро понимали, что спорить с Тепешем себе дороже, всё потраченное на дискуссию время будет безжалостно отнято от перемены. Он крайне не любил какого-либо движения в аудитории во время лекции, просто на дух не переносил. Да, а еще он был научным руководителем Виктора Баженова, то есть, Вектора.

Вектор вздохнул и тихо поднялся с места. Если выбирать между Надей и Тепешем, выбор очевиден. Петр Викентьевич ему, конечно, весь мозг выключает, но, в конце концов, он ценит своего студента. А вот Надька... лучше даже не представлять, что она с ним сделает, если он не поможет ее светлости, когда она в нем нуждается. И во что она там опять вляпалась?

– Баженов, это крайне бессердечно с вашей стороны лишать нас своего общества. – Реплика Тепеша нагнала его по-

что у самой двери аудитории.

– Извините... я... Мне действительно нужно выйти, Петр Викентьевич.

– У вас молодой здоровый организм. Даже я, в мои годы, могу выдержать полтора часа без клозета. А у вас что же – недержание? Или пирожные в столовой были несвежие?

Кое-кто сдержанно хихикнул. Всегда найдутся дураки, которым нравятся тупые шуточки.

– Я недолго, – бормочет Виктор, чуть ли не бегом покидая аудиторию.

Будь проклята Надька и ее капризы!

В коридоре Виктор набрал знакомый номер.

– Ну? – сердито и без предисловий бросил он.

– Вик, встретить меня сегодня после занятий.

Он стоит в паре метров от двери лекционки, прижавшись затылком к стене и закрыв глаза. Он уже перестал сходить с ума по ее голосу, но рецидивы случаются. Как сегодня, например. Если закрыть глаза и отвлечься от того, что она говорит, можно представить, что этот нежный голосок принадлежит его девушке. Любимой девушке.

– Вик, ты меня слышишь? Встретишь меня?

Встретить? Ну-ну... Стандартная схема. Очередной неугомонный поклонник, который не может сказать слово «нет». Когда она уже научится таких загодя вычислять, до того, как они становятся неменяемыми?

– К каком часу? – вздыхает Виктор.

– В три. Можно минут десять четвертого.

– Я не могу. Не успею. У меня еще сегодня стрелка с научным руководителем.

– Ви-и-ик...

– Ну, правда, никак не получается.

– Витюша-а-а...

Вот коза! Знает ведь, что он терпеть не может когда его так называют! И нарочно...

– Надь, ну у меня же есть свои дела. Ты же знаешь моего научного...

– А ты знаешь, что кроме тебя мне не к кому обратиться!

– Надя, ну я ж не палочка-выручалочка!

– Витенька-а-а... Пожалуйста-а-а... Ты же знаешь, я только тебя могу попросить! Витюш, ну будь другом, а? Витюша-а-а-а...

ЗАРАЗА!!!

– Я попробую.

– Обожаю тебя! – звонко и радостно. – Только, Вик, оденься поприличнее, ладно? А не как обычно. Всё, целую, до встречи!

И в ухо короткие гудки. Так всегда. Просит в форме приказа. В этом вся Надька. Его головная боль, просто боль и безответная любовь последних трех лет. Иногда ему кажется, что она была с ним с рождения, течет ядом в крови. Тем самым ядом, который отравляет жизнь, но его отсутствие в кровотоке убьет мгновенно.

Виктору нужно объясниться с Тепешем. В конце концов, он же его любимый ученик, тот еще его покойного деда Миллера знал. Однако, скидок на это Вику не делалось, скорее, наоборот. Вообще, история обретения Виктором такого научного руководителя была драматична и забавна одновременно. Он не успел на распределение по научным, благодаря всё той же стерве Надьке! В итоге его отдали Теплову, от которого шарахались все здравомыслящие люди в институте. А тут Баженов, самая светлая голова на факультете – и досталась этому монстру. Сам Вик тоже был не в восторге, решил просить зав. кафедрой о пересмотре распределения, пока не поздно, имел все основания думать, что ему пойдут навстречу. Хотелось в научные кого-то помоложе, с интересной и перспективной темой исследований. Заведующего на месте не было, а вот Теплов был. И как-то так получилось... Слово за# слово, пока он ждал зав. кафедрой, они разговорились с Петром Викентьевичем. И Баженов, сам не понимая почему, передумал. Не в знакомстве с дедом же дело было? Наверное, правда была в том, что он пожалел старого преподавателя, к которому никто из студентов не хотел идти. Ну и дураки они все были! Башка у Тепеша работала ого-го как, не у всех молодых так шарики в голове крутятся. Под маразматика он косил только тогда, когда ему это было выгодно. Крайне умный, хитрый и вредный, даром что профессор. А еще страстно, как ребенок, любил подарки, причем цена не играла решающей роли, главным был сам акт да-

рения, внимания ему, профессору Теплову. Эмпирическим путем Вик выяснил, что больше всего Тепеш ценил подарки гастрономические, и отнюдь не в виде крови студентов, как можно было бы предположить. Разнообразные деликатесы были тайной страстью старика, а сладости в их числе – первые.

Виктор ринулся в магазин.

Именно с помощью коробки неплохого бельгийского печенья, шоколадного, с орехами пекан, купленной в ближайшем супермаркете, Виктору, в конце концов, удалось договориться с Петром Викентьевичем. Правда, ему тут же выдали кучу материалов для самостоятельного изучения, но хоть отпустили с миром. Переодеться, дабы выглядеть прилично, как госпожа велела, он всё равно уже не успевал. Ну, никак не получается угодить сегодня всем.

Он выпрыгнул на остановке из троллейбуса, прижимая к уху телефон.

– Ты где?

– На парковке перед главным корпусом! – прошипела Надежда. – Где тебя черти носят?

– Парковка большая...

Он ринулся через прохожих к стоянке машин.

– Ищи белый «мерседес-кабриолет», не ошибешься!

Ой, белый «мерседес-кабриолет»... Как всё запущено-то...

Искомое нашлось быстро. Мизансцена: тот самый автомо-

биль, его, видимо, обладатель, под стать своему «жеребцу», весь в светлом и преисполнен собственной значимости, и Ее Высочество Надин Соловьева.

Надин. Надежда. Надюша. Надька. Надя. Сто шестьдесят четыре сантиметра совершенства. Хотя она такого роста бывала редко – каблуки были неотъемлемой частью ее облика. Вот и сейчас, как всегда, безупречна. Платье какого-то невообразимого оттенка – нечто среднее между светло-голубым и светло-зеленым, тонкий черный лаковый ремешок на талии, такого же цвета лаковые лодочки и сумочка. Волосы сегодня гладко зачесаны назад, хотя ему безумно нравилось, когда они локонами рассыпались по плечам.

В общем, крайне эффектная и крайне сердитая барышня. Она ему улыбнулась, а в глазах – синие разряды гневного электричества.

Она взяла его за руку.

– Виктор, милый, наконец-то! – Тон игривый, но явно лживый.

– Привет. – Он всё-таки слегка запыхался.

– Этот, что ли? – Третий-пока-не-лишний, высокий, почти одного с ним роста, накачанный пижон, смерил Виктора презрительно-недоверчивым взглядом.

– Да. – Надя прижалась к Виктору, и ему пришлось ее обнять.

Упиваться ощущением близости ее тела Виктор себе запретил: солдат на службе.

– Познакомься, Артур, это Виктор – мой жених.

Пауза, еще один взгляд, всё такой же презрительный, с оттенком недоумения. Артур засмеялся громко, на публику.

– Ох, насмешила! Этот? Твой жених?

– Да! – Надя горделиво вздергивает подбородок, одновременно пребольно ущипнув Виктора за бок.

Раба начали наказывать.

– А в чем, собственно, дело? – Виктор демонстративно спокоен, и взгляд его – прямой, в глаза.

Еще один взрыв смеха, на сей раз – почти искреннего.

– Ты себя видел? Где ты и где Надя?

Ну, положим, видел себя. Утром, в зеркале, когда брился. Нормально выглядел утром. Правда, день выдался сегодня суматошный. Откровенно говоря, принц на белом «мерседесе» был прав. Смотрелись Надя с Виктором вместе... странно. Безупречно одетая, с идеальным макияжем, выжавшая все сто двадцать процентов из своих и без того весьма нескучных природных данных, Надин. И Вик... Из приличного на нем были только часы – серебристые «Rado» на запястье – никак не сочетающиеся с красной в зеленую клетку рубашкой. Это подарок отца. Часы едва выглядывают из-под обтрепанной манжеты. Джинсы как джинсы, подранные в паре мест. Любимые «Converse», вполне даже чистые. И футболка тоже свежая, утром достал из шкафа. Рюкзак на плече. Брит с утра, как уже отмечалось. Ах, да... прическа. Как бы Виктор ни стригся, разве что исключая «под ноль»

с вариантами «под ноль плюс пара миллиметров», а это он пока не рисковал практиковать... Так вот, во всех прочих случаях любая стрижка на его голове выглядела так, будто он только что встал с постели. И ничего с этим Вик поделаться не мог. Да и не пытался особенно, его всё устраивало и так. Но рядом с похожей на фотомоделю Надей он выглядел... ну, совершенно не к месту!

– А это тебя не должно касаться. Это только наше дело, – холодно и ровно уронила Надя.

Интересно, к чему весь этот спектакль? Не похоже, чтобы их представление имело успех, Артур смотрит на них крайне недоверчиво.

– Витюша, я так по тебе соскучилась...

Зубы заныли... От ее сладкого тона... От ненавистного «Витюши»... От того, что сейчас произойдет...

– Я тоже, маленькая, – склонился он к ней.

И начал считать: один, два, три, четыре, пять, шесть... Только так возможно не потерять голову, когда они целуются. Это поцелуй-демонстрация, он ничего не значит для нее, она его исполняет равнодушно, но безукоризненно. А Виктор продолжает мысленно считать: одиннадцать, двенадцать, тринадцать... Лишь бы не дать себе поддаться теплоте ее губ, ее языку и теплоте дыхания, магии ее такого близкого, прижимающегося к нему тела. Не поддаться и не сорваться. Считай, Баженов, считай!

– Эй, ты! Ты что себе позволяешь! А ну, отвали!

На его плечо весьма недвусмысленно легла рука Артура. Самый поганый вариант. Еще и агрессивный клиент. Виктор оторвался от губ Надежды, вздохнул. Повернулся к прилипчивому поклоннику, одним движением задвинул Надьку за спину и... Наглец даже заметить ничего не успел толком – так занят был замахом с целью дать наглому кучерявому в рожу. А спустя секунду сам оказался в весьма унижительном положении, согнувшись в три погибели, с больно завернутой за спину рукой. Зеленый пояс «карате шотокан» – это вам не шутки.

– Отпусти, придурок!

– Что скажешь, Надь?

– Отпусти его, Вектор.

Виктор разжал хватку.

Спустя минуту белый «мерседес-кабриолет» с пробуксовкой колес вылетел с парковки.

Виктор повернулся к Надежде.

– Обидели юношу... Такой удар по самолюбию... – Он потёр запястье. – Тебе не стыдно, королевщина? Когда перестанешь парням головы морочить?

– Если бы ты приехал в нормальном виде, – огрызнулась Надька, – ничего бы этого не было! Что, так трудно было надеть костюм? У тебя же есть, я знаю! И взять у отца «Ауди»?

– «Ауди» мамин, – меланхолично поправил Вик.

– Какая разница! Ты понял, о чем я!

– Я не успел.

– Тогда не жалуйся.

– А я и не жалуясь, – пожал он плечами. – Не он же мне навалил, а я ему. Я просто интересуюсь: сегодня я себе на кофе заработал?

– Пошли уже... – Надя царственным жестом поправила сумочку на плече. – Угощу тебя кофе. И даже мороженым.

Виктор пропускает ее вперед. Он очень воспитанный молодой человек. И к тому же, помимо мороженого, он явно сегодня еще заработал себе бонус полюбоваться ее попкой, обтянутой то ли голубым, то ли зеленым платьем.

Глава вторая

*Мужчина, когда притворяется, что влюблён,
старается быть весёлым, галантным,
оказывать всяческое внимание.*

*Но если он влюблён по-настоящему,
то похож на овцу.*

Агата Кристи. «Тайна голубого поезда»

Они знали друг друга всю жизнь. Наверное, даже с тех времен, о которых сами не помнили. Их родители дружили еще до их рождения. И выбора у них не было. Вместе играли на даче, пока родители занимались своими взрослыми делами. Вместе ходили на речку, вместе были покусаны пчелами соседа на тихомировский даче – деда Миши. Дрались из-за качелей, девчонок дергали за косицы, на мальчишек ябедничали взрослым. В общем, всё шло своим чередом. Удивительным был, пожалуй, один факт. Подросшие до самого отвратительного возраста – тринадцати лет, «трое из ларца, одинаковых с лица» сестры-тройняшки Соловьевы наконец-то в полной мере осознали, что то, что их трое, может стать источником разнообразных и увлекательных развлечений. Они разыгрывали всех, с разной степенью успешности и тяжести последствий. Всех, кроме родителей и Витьки Баженова. Он каким-то непостижимым образом всегда различал их, как бы они ни старались. Ни разу им не удалось провести

его. Единственный был прецедент, когда он перепутал-таки Любу и Соню, но ради справедливости стоит сказать, что они к этому розыгрышу готовились почти месяц. А вот Надю он вычислял всегда, на раз.

Девчонки подрастали, становились настоящими красавицами, что было ясно практически с самого начала. Синеглазые темноволосые бестии. Но сногшибательно привлекательные бестии. О Викторе, как о красавце, такого сказать было нельзя.

Он родился рыжим и мелким. Таким и рос. Ко всему прочему постоянно болел, мать постоянно таскала его по всевозможным врачам. Без особого результата, кстати. В девять лет у него село зрение, и пришлось носить очки. Добавим к этому музыкальную школу – мамина инициатива, отец лишь пожал плечам, не пожелав вступать с супругой в спор. По классу скрипки, ни больше ни меньше, ко всем прочим Виткиным несчастьям у него еще и приличный слух музыкальный обнаружился.

Вот и представьте себе – мелкого, тощего, рыжего, кудрявого, со скрипкой и нотной папкой мальчишку. Представили? А теперь добавьте к этому пытливый, хоть и детский ум, взрывной характер и нежелание терпеть насмешки над собой. А поводов для насмешек было в достатке – и мелкий рост, и рыжие волосы, и очки, и эта проклятая скрипка, и то, что учился он – ну что ты будешь делать! – хорошо, ему всё давалось легко, без усилий.

В общем, дрался Витька чуть ли не каждый день. Приходил домой в синяках и шишках, упорно отмалчивался, не сдавая своих «оппонентов», на все вопросы матери отвечал упрямо: «Я сам!» В конце концов, в Витькины «бои без правил» вмешался отец, за что сын ему был бесконечно благодарен, вовремя тот вспомнил, что воспитанием сына должен заниматься и отец, в том числе.

В одиннадцать лет Витю отец сам привел в секцию каратэ к очень хорошему тренеру, который разглядел в тощем маленьком очкарике бойцовский характер. Еще через год Витя уже собственным волевым решением перешел из класса скрипки в класс гитары, четко понимая, что совсем уж бросить «музыкалку» не получится – мать его сгрызет.

А в шестнадцать лет, в лето перед выпускным классом, произошло сразу несколько событий. Проснулись дремавшие доселе отцовские гены, хотя до этого все в семье Баженовых были уверены, что, как ни обидно, Витя пошел в маму не только неприручаемой копной волос, но и ростом. Ан нет. Он подался в рост так стремительно, что вымахал за одно лето на десять сантиметров и продолжал расти. Мать предприняла попытку снова протащить его по врачам на предмет такой аномалии, но отец вмешался, сказал, что это нормально, парень нагоняет то, что ему положено. Когда сын догнал в росте отца, Олег Викторович лишь хмыкнул, но Витя на этом не остановился. В итоге, перерос отца на пять сантиметров и имел возможность смотреть на всех в семье сверху

вниз.

Голос сломался окончательно, трансформировавшись, не без помощи так ненавидимых им занятий по хору, в очень приятный мужской баритон.

А еще ему, наконец-то, разрешили сделать операцию по коррекции зрения, и ненавидистные очки были торжественно выброшены в окно.

Ну, и в довершение всего, как-то незаметно рыжий цвет волос будто выгорел, посветлел, превратившись в русый, с легким золотистым отливом, дававшим о себе знать в особенности летом.

В общем, когда Виктор Баженов, по прозвищу Вектор, он же Электроник, пришел первого сентября в школу, одноклассницы ахнули. Потом охнули. А ведь он еще на гитаре играл и замечательно пел! А еще он лучше всех в классе решал контрольные по математике, физике и информатике. На уроках физкультуры за ним наблюдали не менее десяти пар восторженных девичьих глаз. Он год привыкал к своей популярности, к тому же последний класс – надо было прилично сдать экзамены, чтобы поступить туда, куда он планировал. Но на выпускном вечере он все-таки лишился невинности. Трижды, причем один раз – со старшей сестрой своего одноклассника.

Без особых проблем поступил в Политехнический институт, об университете не могло быть и речи – там работает мама! И пофиг, что на биологическом, а он бы поступал на ка-

кой-нибудь из технических факультетов. Нет, от горячо любимой мамочки надо держаться подальше, он ее нежно любил, но свобода дороже. Политехнический – это то, что нужно. И уж там он пошел в разнос окончательно. А с другой стороны, когда распутничать, если не в юности? Да еще если природа и родители наградили Виктора такими мозгами, что учился он без малейших усилий, а энергия в молодом теле буквально бурлила, даром что его еще и старостой группы выбрали. В общем, удался у него первый курс.

А потом он пропал.

Они бурно отмечали с другом Колькой сдачу летней сессии. Его неразлучный товарищ и дружок Ник Самойлов пошел по стопам своего отца и тоже, как и Вектор, успешно окончил первый курс, правда, медицинского, лечебный факультет. По этому поводу они прилично надрались, и их потянуло на приключения. Или, как минимум, показать себя, таких прекрасных, миру. Вик уже теперь и не помнил, кому пришла в голову эта светлая мысль – посетить на выпускном Соловьевых. Сегодня выпускной у тройняшек, и неплохо было бы, да нет, что там «неплохо», просто действительно необходимо к ним заявиться и «все телевидение испортить». Двум молодым пьяным идиотам это показалось шикарнейшей идеей.

Период дерганья за косички и ябедничества они уже давно переросли. И хотя не дружили так, как в детстве, все же иногда общались с тройняшками. И Виктор помнил, что Со-

ловьевы все просто сногсшибательные красотки, но даже и мечтать себе не позволял, где уж ему тогда было... Хотя Надя ему нравилась как-то особенно, с самого детства. Но его губительное падение состоялось именно тогда, после первого курса.

В школу их пропустили не сразу, но пропустили – вышла Люба, свела брови, посмеялась над ними, но удостоверилась, что это их... она сказала «родственники». Двоюродные братья. Кузены. О, они с Колькой тогда до неприличия громко ржали над тем, что они – кузены! А потом...

Он увидел в актовом зале Надежду. На ней было белое платье, он помнит. Абсолютно белое, простое, воздушное. Узкие бретельки, тонкая талия, расклешенная юбка. Темные волосы свободно падают на плечи. Она сильно отличалась от других выпускниц в пышных вычурных платьях и со сложными взрослыми прическами. Словом, когда он ее увидел, его прошило насквозь, от кудрявой макушки до подошв запыленных кедров. Он даже не понял, что произошло. Рядом что-то комментировал Самойлов, а он просто стоял и смотрел на Надьку.

Она на танцполе. Зажигает рок-н-ролл с каким-то хмырем. Зажигают они ярко, что ни говори, на хмыре костюм, закатаны до локтя рукава пиджака и рубашки, галстук, если и предполагался форматом мероприятия, уже утратился. А Надя... босиком. Ну да, на каблуках, наверное, так отплясывать нереально. Им аплодируют стоящие вокруг, она тан-

цует, действительно, зажигательно. Взлетает пенная юбка, и ему кажется, что под ней мелькнули такие же белоснежные трусики.

И он рванулся к ней, неосознанно, не понимая, что будет делать, чего хочет. Но невыносимо было стоять и смотреть, как она вертится с другим... Острое, не оставляющее ни малейшего шанса другим мыслям вмешаться в контроль над телом, желание. Схватить ее, прижать к себе. Спрятать ото всех, унести, утащить далеко, где нет никого, и там... там...

Колька был килограммов на десять тяжелее Витьки. Поэтому и пьян был, наверное, меньше. И секция греко-римской борьбы себя дала знать. И сил хватило. На то, чтобы схватить друга за шиворот, вырвав пару пуговиц на рубашке, потом перехватить поперек груди. И, на ухо, перекрикивая грохот музыки, прокричать:

– Ты куда?! Обалдел?!

Он его выволок потом на крыльцо, и они стояли и молча курили, стрельнув по сигарете у охранника, потому что так-то за ними не водилось подобной привычки.

Виктор тогда решил, что просто пьян, как последняя скотина. Колька с ним согласился. Но протрезветь у Виктора так и не получилось.

Он стал для Надежды всем. Лучшим другом, который и компьютер мог починить, и после вечеринки встретить, и в клуб в последний момент, когда срываются все варианты, можно с собой взять. И поговорить о разном, и кино иногда

посмотреть, и... Да что там говорить, она даже к походам по магазинам пыталась его привлекать. Поначалу он соглашался на всё, лишь бы быть с ней. Пока не понял, что происходит, да поздно уже было. Он стал для нее нужным, необходимым. Он стал значить для нее очень много, сделался важной частью ее жизни. Но он так и не стал для Надежды тем, кем стала она для него.

Как его только Колька ни обзывал: «паж», «раб», «карманная собачка». Прав Самойлов был, но Вик уже увяз. Старался сохранять хоть какое-то подобие гордости, но, если вдруг долго не видел ее... то соглашался потом на любой повод для встречи, какой угодно, и терпел. Несмотря на то, что давно уже оглушающе отчетливо понял – он для нее так и остался смешным маленьким очкариком со скрипочкой, привычным другом ее детства.

Квартира встретила Надежду упоительным запахом, который она не смогла сразу опознать. Да и какая разница, это всё равно что-то вкусненькое. Как же хорошо, когда папа дома! А папа дома, и, что самое замечательное, на кухне! Надя подкралась потихоньку, обняла отца сзади, уткнулась носом между лопаток.

– Которое из чад домой пришло? – Отец похлопал ее по руке.

– Привет, пап.

– А, это старший бедовый ребенок. Голодная?

– Конечно! И почему это я бедовый ребенок? – Надя от-

пустила отца и сунула нос в кастрюлю. – О, драники!

– Не драники, а колдуны. Картошка, мясо, сметана. Очень калорийно...

– И очень вкусно! – закончила за отца Надя. – Я буду. Ой, а тут вот у тебя негритятки такие...

– Первая порция пригорела немножко. Не трогай их, Тихомиров вечером обещал заскочить, ему и скормим. Иди. Мой руки.

Надя скрылась в ванной.

– Дядя Дима придет? – прошептала она, вытирая руки полотенцем. – О, отлично! – Надя положила себе на тарелку парочку колдунов, щедро полила соусом, подумала и добавила еще один.

– Надежда! Не вздумай троллить Тихомирова!

– А я что? – Надя бросила на отца невинный взгляд, в котором ей не было равных. – Он же о-о-очень... – тут Надя закатила очи, – известный юрист. У кого консультироваться, как не у него?

– Надя! Ну, он же в семейном праве ни бум-бум!

– И что? – пожала плечами дочь, вытягивая свои идеальные ножки. Будь она выше ростом, они перегородили бы половину кухни, но и так отцу пришлось перешагнуть ее конечности. – Он же юрист-международник? Должен соответствовать...

Соловьев буркнул что-то под нос про характер старшей дочери. Надя лишь хмыкнула, ловко орудуя вилкой.

– Пока всё лишь подтверждает, что МГИМО круче МГУ в плане подготовки юристов!

– Я с тобой за твой МГИМО точно спорить не буду. – Отец поднял руки в знак капитуляции. – Наелась? Чай будешь?

Надежда отнесла тарелку в мойку.

– Буду, – кивнула она. – А ты все в депрессии?

– С чего это ты взяла? – удивился отец.

– А то я не знаю! – фыркнула Надя. – Если ты три дня не вылезашь из кухни, забивая холодильник всякими вкусностями, значит, точно на душе у тебя беспокойно.

– Доченька моя... – Отец поставил под струю воды грязную тарелку, вымыл ее и положил в сушилку. Он вытер руки кухонным полотенцем и перебросил его через плечо. – Пора бы знать – мужчины моего возраста, таланта и известности в депрессию не впадают. Это моветон.

– Да? – Надя приподняла бровку. – А как это называется, если ты постоянно торчишь на кухне и готовишь столько, что и вдесятером не съесть? Депрессуешь, топ рара, сознайся!

– Это не депрессия, а творческий поиск. Мне пришла в голову одна идея... И я имею основания полагать, что она повергнет в шок наших критиков от фотодела.

– Ну и что? – пожимает плечами Надя. – Тебе что, в первый раз, что ли, общественность шокировать?

– Не в первый, – улыбнулся отец. – Я просто размышляю над тем, как это сделать поболезненней.

– Старый провокатор! – Надя засмеялась и обняла отца.

– Эй! – возмутился тот. – Я еще не стар!

– Ты суперстар! – Надя чмокнула отца в щеку. – Спасибо, папуль, все было гениально вкусно, как всегда. Твои колдуны – мечта!

Всё-таки у нее самый лучший на свете рара!

Солнце упорно прорывалось сквозь плотно сомкнутые ресницы.

Грех жаловаться, Виктор сам решил поставить кровать к окну. Он приоткрыл глаза, сощурился. А он и не жалуется. Друзья считали его извращенцем, но ему нравилось просыпаться от того, что в лицо светит солнце. Поэтому и кровать у окна, поэтому и штор на этом самом окне нет. За что, кстати, он еще раз был обозван извращенцем. Ерунда, этаж седьмой, и скрывать ему нечего. Виктор не знал, что его утренние пробуждения и вечерние отходы ко сну частенько становились объектом самого пристального внимания двух дам из дома напротив – одна дама бальзаковского возраста, другая – совсем юная. Да и если бы знал, то вряд ли бы это повлияло на его привычки, а здоровый молодой эксгибиционизм никто не отменял.

Виктор встал, все так же лениво щурясь на яркое солнце, потянулся. Какой все-таки кайф жить одному – можно спать хоть нагишом! И в одних трусах шараться по квартире. Он уже привык считать эту квартиру своей, хотя это было не так. Жилплощадь – ничего особенного, обыкновенная панельная «однушка», принадлежала тёте Боре, сестре отца. Тётя Боря,

в миру – Борислава Викторовна, работала управляющей ресторана, и на одном из профильных слетов-форумов тружеников ресторанного дела познакомилась с итальянским коллегой. И спустя три месяца укатила к своему Бальдассаре в Геную, чтобы помогать ему там в его собственном ресторанном бизнесе, тем самым изумив до крайности брата и двух взрослых детей. Дети, имевшие свою весьма бурную жизнь – Вовка мотался по всему свету, Мила была занята воспитанием своих двух детей, отпирались от обязанности присматривать за квартирой матери, дружно заявив, что им недосуг, и пусть продает, раз решила сменить наш каравай на фокаччу. Тетушка квартиру отказывалась продавать категорически, и тут Виктор предложил свою скромную кандидатуру, дабы караулить жилплощадь.

Отец изумленно хмыкнул, мать расстроилась: «Витенька, тебе плохо дома?» Потом были три месяца нешуточных баталий, в течение которых он доказывал необходимость в отдельном жилье и собственную способность жить самостоятельно. И в итоге... Все-таки, у него мировой батя! Ему позволили жить одному, в квартире тетки. И кто бы знал, как Виктор был счастлив! Он очень любил родителей. Действительно любил, но... Его матери, с ее энергией, и троих детей было бы мало, чтобы ее должным образом расходовать. А тут всё досталось одному сыночку. Он завидовал девчонкам Соловьевым – их было целых трое. У него, конечно, был названный брат – друг Колька, но это было не совсем то... Он

просил братика – на день рождения, на Новый год. Потом перестал, понял – бесполезно.

Когда он стал достаточно взрослым, отец объяснил – почему. Когда Вику было три, он этого не помнит – у матери случился выкидыш. Потом, когда ему было пять, он это смутно помнит, что мамы пары дней не было, а потом она была грустная-грустная, – еще один. А потом отец сказал – хватит. Испугался. Как он рассказал Вику тогда, у мамы слишком плохая наследственность, и ее собственная мать, бабушка Люба, которую Вик никогда и не видел, умерла именно из-за безуспешных попыток родить второго ребенка. Отец не стал рисковать. Сказал: у нас есть ты, и на том спасибо.

В общем, как бы он ни любил родителей, одному жить было нереально кайфово. Как же ему этого не хватало – самостоятельности, жизненного пространства, свободы! Первое время мать чуть ли не ежедневно приезжала – проинспектировать холодильник, произвести влажную уборку. Вик не знал, как с этим бороться, чтобы не обидеть матушку. А потом его осенило. Он, сцуко, гений! И на ближайший праздник – Новый год подвернулся очень кстати! – он подарил матери Глафиру. Рыжего щеночка, девочку-таксу. Отец посмеялся, мать охнула: «Виктор, так нельзя!» А потом... потом его оставили в покое!

Правда, вскоре отец пригрозил лишить сына наследства, потому что Глафира страсть как полюбила его обувь. Нет, у таксы определенно оказался хороший вкус, скорее, гастро-

номический, видимо, кожа на итальянских туфлях ручной работы была отличной выделки, да и подошву приятно погрызть. Но отец был недоволен – денег ему, видите ли, жаль, да и на ноге те две пары сидели отлично.

Короче говоря, Глафире досталась вся мамина неистраченная энергия, отец простил животину, философски рассудив, что рыжие таксы – это его карма, Виктор обожал собаку за подаренную ему свободу, дав себе слово завести такую же, но позже. Словом, все были довольны.

Самостоятельная жизнь приучила Виктора ко многим вещам. Самое главное, к тому, что голову можно использовать не только для того, чтобы виртуозно играть в компьютерные игрушки, не напрягаясь, учиться в институте и эффективно, под настроение, знакомиться с девушками на улице на зависть Кольке. Он начал подрабатывать. Писал небольшие программы на заказ, помогал в обслуживании техники – починить, настроить, исправить. Полностью бюджет, с учетом квартплаты, пока не мог потянуть, но как минимум наполовину себя обеспечивал.

А сегодня... Никуда торопиться не нужно. Можно было бы и поспать подольше, но солнце его разбудило. Ну и ладно, всё равно выспался. В душ, где всё только его, ничего лишнего, лишь мужские нужные вещи. Потом в одном полотенце на кухню, в холодильнике и на полках – тоже только то, что он любит. С чувством заварил чай, достал мед и сушки. Позавтракать и за работу. В понедельник он должен пока-

зять Тепешу новую версию программы для расчетов, с учетом замечаний профессора. Работа над дипломом шла согласно плану, Вик совершенно не переживал по поводу грядущей через несколько месяцев защиты. Может быть, волнение придет потом, накануне уже. Сейчас же в его жизни и так хватало той сумятицы и нестабильности, что вносила одним лишь фактом своего существования Надька. При мысли о ней его утренняя безмятежность испарилась, воспоминания о вчерашнем очередном унижении вызвали горький привкус, который даже ложка меда не перебивала.

Опять. Снова. Начало подташнивать. Слово себе давал уже раз десять – как только она ему еще раз позвонит с целью отвадить очередного невменяемого ухажера... Чтобы в очередной раз демонстративно, бездушно с ним целоваться на потеху публике... Он ее пошлет к черту! Но ведь не посылал, не мог. Каждый раз сдавался. Дело кончится тем, что он сорвется как-нибудь... Надо завязывать. Нет, не срослось, не сложилось, не повезло. Надо ее отпустить. Не моя она, и не будет никогда моей. Только себе хуже. Виктор вздохнул, отодвинул чашку с остывшим чаем. Завтрак испорчен. Значит, надо садиться за работу.

Глава третья

– Встречающие скорый поезд из Москвы!

Ваш поезд задерживается.

*Можете пока встретить пассажирский из
Тулы.*

Там тоже люди едут, им будет приятно!

Анекдот

Надя держит у уха телефон. Через секунду слышит:

– Нет!

– Ты же даже не знаешь, что я...

– Я знаю! – Чувствуется, что Виктор злится.

Действительно, только-только оклемался от гриппа, который скосил половину группы, а тут еще она!

Надя мурлычет:

– Ну, Вик! Ну, пожалуйста...

– Я сказал «нет»!

Надя растерянно поправляет волосы. Какой-то Витька совсем сегодня на себя не похож. С ним это как-то непредсказуемо случается, непонятно отчего. А ей он как назло очень нужен, именно сегодня. Потому что все варианты сорвались, и кроме него...

Надя предприняла еще одну попытку:

– Витюшенька, родной, ну прошу тебя...

– Ты хочешь, чтобы я бросил трубку и отключил телефон?

Надя закусила губу. Нет, надо что-то придумать. Когда Витька начинал говорить с ней с такой интонацией – шипел, как змея – она терялась. Нет, надо как-то постараться его убедить, в конце концов, он ее самый близкий друг, должен понять.

– Вить... – начинает она просяще, но тут в комнату входит ее отец. Он слышит, с кем разговаривает дочь.

– Привет Виктору, – бросает он и пристраивается у окна с камерой, открывает раму.

– Тебе папа привет передает, – послушно повторяет она.

Надя выходит, прикрывает за собой дверь. Отец носится с какой-то идеей и положительно невменяем.

– Вик, послушай. Я знаю, что злоупотребляю иногда... Но мне, правда, очень-очень нужно. Никаких спектаклей на публику. Просто сходи со мной в ночной клуб. Этого будет достаточно, уверяю. Буквально пару часиков, не больше. Ну прошу тебя...

Он молчит, но она слышит его дыхание.

– Вик, пожалуйста. Должна буду.

Он не выдерживает, с его губ срывается хриплый смешок. Должна будет? Да она не представляет, какой он может выставить счет за всё время, проведенное с ней для того, чтобы позлить других, за все эти лживые поцелуи, за все ее «ну, Витюша-а-а...» Может. Но не будет. Бесполезно.

– Хорошо. Скажи, где и в котором часу?

Встретились около дверей клуба. Он оделся прилично,

как было велено. Надя придиричиво окинула Виктора взглядом и довольно кивнула. Модная рубашка, отличные джинсы, мокасины. Лишь при взгляде на причёску Надя покачала головой, но исправить положение он ей не дал, от протянутой руки резко дернулся в сторону. Надя лишь вздохнула, ладно, не стоит его трогать, и так весь дерганый. Почему, интересно? Давно не давали, бедняжке? Может, помочь? Попросить кого-нибудь из подружек? Надя ведь ему действительно должна за этот вечер, он сильно выручает. Она быстро взяла Витьку под руку, так что он отстраниться не успел, и они вошли в клуб.

Вроде бы всё спокойно, Надежда не обманула. На них мрачно косился какой-то тип, сидящий через два столика, но обошлось. Пришлось лишь разок потолкаться на танцполе под какой-то заунывный медляк, Надька весь танец то пилила его за стрижку, уверяя, что пора уже завязывать с собачьими парикмахерами, то рассказывала про свою учебу. У него адски разболелась голова от стакана долбаного мохито, и он лишь кивал в ответ. И, в довершение всех его страданий...

– Надюша!

– Лилечка!

Невесомое соприкосновение щеками, чтобы не попортить личико с тщательно наложенным макияжем, которое почему-то у девушек считается приветствием.

Вик встал из-за стола. Подошедшая рыжеволосая девуш-

ка, высокая, стройная, симпатичная, удивленно, но одобрительно посмотрела на него.

– Знакомьтесь. Виктор... Лилия...

Пришлось кивнуть, будь прокляты вбитые в него приличные манеры!

– Рад знакомству.

– Я тоже, – пропела рыжая, перекидывая одним отточенным движением длинные прямые волосы за спину. – Надюша, я присяду к вам?

– Конечно! – Надька так радостно согласилась, что стало очевидно: с Виктором ей скучно, а Лилия эта – ее хорошая подружка, не иначе. – Что будешь?

Его, разумеется, отправили в бар, чтобы не дожидаться официанта. Господи, как же погано. А он-то надеялся, что скоро эта пытка закончится. Черта с два, принесла же нелегкая эту Лилию!

Подруги остались вдвоем.

– Надюш, прими мои поздравления! Шикарный экземпляр!

– Ты о ком? – Надежда лениво повела взглядом вокруг, так же неспешно потягивая коктейль через трубочку.

– О Викторе. Такой парень... – Подружка мечтательно закатила глаза.

– Витька? – Надежда едва не поперхнулась, поспешно поставила бокал. – Это Витька-то шикарный?

– Да просто супер. Красавец-блондин... А уж кудри, фи-

гура...

Надя не выдержала и расхохоталась.

– Ой, не могу... Насмешила! Нашла Аполлона, тоже мне!

– Подожди-подожди... – Лиля недоуменно посмотрела на развеселившуюся Надю. – Он что – не твой парень?

– Нет, – Надя усмехнулась. – Витька – друг детства. Ну, знаешь, общий горшок и все такое...

– То есть... – Лиля оглянулась, чтобы убедиться, что предмет обсуждения пока не виден. – Он свободен?

– Вот чего не знаю, того не знаю, – пожала плечами Надежда. – Но! Если он тебе интересен...

– Спрашиваешь! Офигенный красавчик!

«Офигенный красавчик», злой как черт, она это увидела по его лицу, очень удачно нарисовался рядом с двумя бокалами в руках.

– Ну, раз так, – Надя подмигнула подруге и взяла новый коктейль, – рассчитывай на мою помощь.

– О чем речь? – мрачно поинтересовался Виктор.

– Да так... – Надя улыбается, и эта ее улыбка ему совершенно точно не нравится. – Есть у нас с Лилечкой одно... общее дело.

Он довольно быстро понял, что это за общее дело. Сначала Надька свалила в дамскую комнату, носик припудрить. За то время, что ее не было, можно не то что носик припудрить – целиком тальком обсыпаться! А он всё это время вынужден был развлекать Лилечку! Впрочем, она оказалась на

удивление неглупой девушкой, его рассказ о нюансах работы поисковых систем и об алгоритмах расчета авторитарности выслушала с интересом, хотя он старался... старался быть максимально занудным, но потом всё равно увлекся! А про «дудл»² они даже поспорили и...

– О, я вижу, вы нашли общий язык... – Надя подошла к столику с улыбкой. – Витюш, проводишь Лилю? А то я друзей встретила, уезжаем в другой клуб. – И, не дав и слова сказать в ответ, наклонилась к нему, коснулась щекой щеки в прощальном якобы поцелуе. Шепнула: – Лилька на тебя запала. Не тушуйся. И можешь меня не благодарить! Я же тебе должна.

У Виктора даже в глазах потемнело... от желания ее встряхнуть, да так, чтобы зубы клацнули... Трясти долго, так долго, чтобы до нее дошло... Или это от чертовой музыки так в глазах темно и башка раскалывается? От никотинового воздуха и стакана проклятого мохито? Да не важно, а Надька всё равно свалила, покачивая обтянутыми черным платьем бедрами. В руке пальто какой-то немыслимой геометрической расцветки. Она ушла. Снова. Как всегда. Виктор потер виски, поморщился.

– Голова болит? – Лилия заботливо коснулась его руки. – Здесь ужасно шумно.

---

² Дудл (*doodle* – машинально чертить, рисовать) – это абстрактный рисунок, который создается неосознанно во время какого-либо основного действия, например, разговора, переговоров, лекции. Дудлы чаще всего создаются на основе повторения каких-то элементов.

Виктор посмотрел на Лилию – а ведь девочка ничего! Кто он такой, чтобы отказываться от подарков госпожи? Тёлка что надо!

– Ничего, скоро пройдет. – Он переплёл ее пальцы со своими. – Давай сбежим отсюда? Надоело.

– И мне тоже.

Они встали и направились к выходу.

На лекции Лиля наклонилась к Наде и прошептала ей:

– Надька, знаешь...

– Что? – прошептала в ответ Надя, не поворачивая головы, едва поспевая строчить в тетрадке лекцию.

– Спасибо тебе!

– За что? – Надежда непонимающе посмотрела на подругу.

– Как за что? За Витьку! Он такой!

– Чего?

– Соловьева, я вам не мешаю? – ехидно интересуется профессор.

– Простите, Андрей Рудольфович, – Надя прижимает палец к губам. – Лиль, потом расскажешь!

В перерыве они пьют кофе и разговаривают.

– Неужели Витьке повезло? Слушай, ты вот так сразу дала? Лиля, а как же потомить? Я тебя не узнаю, – улыбается Надежда.

– Смейся, смейся, – морщит нос подруга. – Слушай, если он твой друг детства, то почему я его раньше не видела?

– Баженова нельзя с собой брать в приличное общество. Лилька совершенно непонятно, даже как-то обидно засмеялась.

– Ну, ты даешь, Надь! Впрочем, мне же лучше...

– Мадемуазель Лили, ты что, втрескалась? – Надя машинально размазывает крем с пирожного по тарелочке. – Что за щенячий энтузиазм, не соответствующий вашим принципам? Чем тебя так Витька потряс? Акробатическими этюдами повышенной сложности в койке?

– Увы, – подруга все так же непонятно улыбается. – До койки дело не дошло. Виктор оказался джентльменом.

– Он не джентльмен, он лузер, – усмехнулась Надя. – Умудрился прохлопать сеанс секса в совершенно очевидной ситуации. Когда ему теперь еще обломится...

Лилька снова засмеялась – звонко и все так же обидно-непонятно.

– О, ему обломится и скоро, можешь быть уверена. Я его не отпущу!

Надя недоуменно уставилась на подружку, а та продолжала мечтательно и томно: – Знала бы ты, как он целуется... Отпад...

Надежда даже немного растерялась.

– Даже так? Поверю на слово. Хотя это и затруднительно. Витька же ботаник.

– Нет... – всё с той же непонятной мечтательной улыбкой качнула рыжей головой подруга. – Ты, Надька, не права. Он

– бог.

Надежда не стала спорить. Вот же влюбленная дура!

Шли дни. Надежда после похода в клуб Виктора не видела. Тот не появлялся на горизонте. Зато Лилька не давала ей проходу со своими откровениями. Только и слышалось:

– Надь, ты не представляешь, как он целуется... Не торопится, и такой нежный и...

– Да он просто не знает, что дальше делать!

– Знает, – как идиотка хихикает Лилька. – Поверь мне, знает.

– Что, таки прошел проверку матрасом?

– Пока нет... Но... он так меня трогал...

– Уволь меня от подробностей! Сейчас стошнит! – Надя пытается уйти в очередной раз от надоевших откровений подруги.

– Ревнуешь уже? – усмехается та. – Завидуешь? Поздно, не отдам!

– Больно надо, – фыркает Надежда. – Он мне как брат! Это почти инцест!

– Это хорошо, – кивает Лиля. – Потому что Вик – мой. Слушай... знаешь, какое у него тело... Такие мышцы... Ты в курсе, что у него зеленый пояс по карате?

– Да, – немного раздраженно отвечает Надя. – Естественно, знаю!

Как ее уже утомили эти Лилькины панегирики в адрес Баженова. Тоже мне принц нашелся!

– Надька...

– Не сейчас!

– Но послушай же! Мы вчера...

– После пары!

Вот же влюбленная курица! Кто перешептывается на лекциях?

Надежда убирает тетрадь в сумку.

– Ну что там у тебя такого спешного?

– Слушай, Надь, мне кажется, что у него кто-то есть.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, у кого это «у него». Надя с Лилькой отправляются в кафетерий. Садятся за столик и заказывают кофе. Сегодня кофе кажется совсем невкусным, и зябко как-то... Уже почти весна, но на улице зябко и сыро. Надя ежится в тонком свитере, сожалеет о снятом пальто. Кофе хоть и безвкусный, но горячий, этого не отнять.

– Лиль, я понятия не имею, что у него и кто! Что там у тебя? Не получается слона за хобот в зоопарк отвести?

– Фу, как грубо! Надь, ты чего?

– Извини, – морщится Надя. – Заболеваю, наверное. Знобит что-то... Ну так что там у вас?

– Слушай, я не знаю... Он меня хочет, это очевидно. И то, что я его хочу, тоже ему очевидно должно быть. Но уже три недели прошло... Нет, у нас дело движется, но... будто он не решил, нужна я ему или нет, понимаешь?

Лилька настолько расстроена, что Наде ее жалко. Надо же,

Вектор умеет выпендриваться! А с ней всегда такой смирный.

– Да ладно тебе. Посмотри на себя. Никуда он от тебя не денется. Просто он... – Надя вспоминает Лилькины же слова, – джентльмен. Он тебя уважает.

– Думаешь, в этом дело?

– Конечно.

На самом деле Баженов – кретин. Уж трахнул бы Лильку, всем бы жизнь облегчил, включая себя, Лилю и ее, Надю. Достал уже Лилькин душевный стриптиз. И когда только это закончится!

* * *

Явившаяся только к перерыву во второй паре Лилька, а точнее, ее идиотски счастливое лицо яснее ясного сказала: Бастилия пала. Слава богу! Вектор, ты наконец-то сделал это! Аплодисменты! Теперь Надю оставят в покое.

Не тут-то было. Порыв Лильки поделиться подробностями «взятия Бастилии» она пресекла. Хотя все-таки пришлось выслушать о том, что, собственно, Бастилия... хм... сама набросилась на бедную, ничего не подозревающую Лилю.

– Надь, мы заснули под утро только... на пару часов. А потом еще раз, когда проснулись...

– Лиля!!!

– Прости-прости... – счастливо смеется подруга. – Я понимаю. Просто он такой... я даже не представляла, что бывают такие парни... Он стоил того, чтобы столько ждать! А как он...

– Лилька, у тебя стыд есть? И совесть?

– Нет. – Подруга по-кошачьи потягивается. – Это был лучший куннилингус в моей жизни. Идеальный.

– Что?! – Надя все-таки поперхнулась кофе, и белый джемпер окропился безобразными коричневыми пятнышками. Гадость какая! Как теперь на занятия идти? – Вот кто ты после этого, Богданова?!

– Прости засранку, – у Лильки совершенно невиноватый вид. – Я твоя должница.

Для должницы Лиля вела себя просто отвратительно. Надю уже реально тошнило от всех этих подробностей. Ладно бы, черт с ним... с тем, какой он умный... Это Надя и так знала... И как с ним интересно... И это правда, Вектор клевый, когда не злой, как собака. Но ей совершенно не нужны были подробности о том, какое у него, оказывается, фантастическое тело. Ох, какие у него плечи! Ах, какие сильные руки! Ой, пресс кубиками! А какая задница! Да пофигу ей, какая у Баженова задница! И то, что он классно целуется, ей тоже пофигу! И про прочие его интимные таланты она тоже слушать не желает, будь хоть как они хороши! И уж совершенно точно она не желает знать ничего про впечатляющий размер в некотором месте... О, ее уже тошнит от Баженова!

Глава четвертая

*Наивность – это когда улитка,
ползущая по рельсам, почувствовав
приближение
поезда, прячется в свою раковину.
С просторов Интернета*

Глаза бы ее не видели этого противного Вектора, но как назло – закапризничал ноутбук. В мастерскую – долго, а Баженов – это быстро и надежно. Вик, к слову сказать, даже вредничать не стал, согласился приехать беспрекословно. Будто соскучился.

Надежда открыла ему дверь.

– О, Виктор! – На звонок в дверь в прихожую вышел отец Нади. Он обрадованно протянул гостю руку, здороваясь. – Привет, давненько ты к нам не заглядывал.

– Вы же знаете, Стас Саныч, – Вик ответил на рукопожатие, – дипломирование. Времени не так уж и много.

– Да уж понимаю, – усмехается Соловьев-старший. – Есть будешь?

Вик хотел отказаться, не голоден был, но, вспомнив таланты Надькиного отца, решил уточнить:

– А что у вас есть?

Отец засмеялся.

– Ах ты, жук! Курица есть в медовой корочке. И буйа-

бес... вчерашний, правда.

– Бу... что?

– Уха, – усмехается Надья, подталкивая его в спину в сторону кухни. – Это папа умничает. Иди уже есть. Или не будешь?

– Буду, – кивает Вик решительно. Пахнет-то вкусно, как же он раньше не заметил! – Буду. И курицу буду, и этот ваш бабаес.

– Буйабес, – поправляет его Надин отец. – Что, юный хакер, совсем дома не готовишь?

– Где уж ему! – фыркнула Надя. – Он только трахается дома!

Соловьев оборачивается, изумленно глядит на дочь, потом на Вика. Тот невозмутимо, но слегка раздраженно пожимает плечами.

– Завидуйте молча, Надежда.

Надя отвечает лишь выразительной гримасой.

* * *

Вик занят ноутбуком, а Надя пытается делать вид, что занята конспектом. Но получается это у нее скверно. Потом она отбрасывает тетрадь в сторону и начинает мрачно сверлить взглядом спину Вектора. Ну, еще бы он не был лохматым – так руки в волосы запускать! Она смотрит, как он в задумчивости ерошит волосы, как наматывает, всё так же рас-

сеянно, поглощенный тем, что видит на экране ноута, упругий золотистый локон на указательный палец. Фу, откуда такие высокопарные ассоциации? Впрочем, известно, откуда. От восторженной идиотки Лильки! Той безумно нравятся торчащие во все стороны патлы Баженова, которые она пафосно именует «локонами»! Утверждает, что у него офигенно приятные на ощупь волосы. Надя скептически разглядывает растрепанную прическу Вектора. Натуральный дверной половичок! Или пудель, как она его дразнила в детстве. Хотя нет, пудели аккуратные. А Баженов вечно как только что с постели. И там ему в волосы руки запускали какие-нибудь Лильки. Ну и пусть!

Переводит взгляд от его волос ниже. Что там Богданова пела про плечи? Ну, есть плечи... Ничего вроде. Надя привыкла, что Вик такой, какой есть. Сейчас на нем достаточно просторная футболка, опять с каким-то дебильным принтом, но даже и в ней видно: плечи у Баженова есть, и преизрядные. Нет, ну а что удивительного? Он каратист, ему положено.

– Надь, пароль введи, – он поворачивается к ней. Удивленно хмурится. – Ты чего?

– Чего?

– Смотришь на меня как-то странно...

– Да вот думаю... – Надя легко встает с кровати, подходит к нему. – Вектор, давай я тебя подстригу, а? Хуже всё равно не будет.

Протягивает руку и касается волос. Боже мой, да у нее такие волосы только после хорошего кондиционера бывают! Почти неконтролируемое желание запустить в этот густой упругий шелк пальцы...

– Да отстань ты от меня! – Он дергает головой. – Налысо постригусь, достало уже!

– Только попробуй!

Он изумленно вскидывает на нее глаза, и она вдруг замечает, будто в первый раз видит, какие они у него – ярко-голубые. Красивые. Резко отворачивается.

– Эй! – перехватывает он ее руку. – Пароль введи!

Она резко выдергивает руку.

– Я тебе на бумажке напишу!

Вик промаялся с ноутом часа три, но безрезультатно. В итоге забрал упрямый девайс с собой, обещав переустановить систему и привезти, самое позднее, послезавтра.

Вечером они всей семьей пьют на кухне чай.

– Как у Вити дела? – интересуется мама. – Давно он к нам не заходил. Жаль, что я его не застала.

– Да всё нормально вроде бы. Здоров, цветет, – отвечает отец.

– Здоров – это точно, – усмехается Вера Владимировна. – Как вспомню, какой он был в детстве... Кто бы мог подумать, что такой лось вымахает...

– Наша Надька этого лося чего-то все пилит, – усмехается Соловьев.

– Кто его на путь истинный наставит, если не я? – пожимает плечами Надежда.

– Кто бы тебя саму на путь истинный наставил, – парирует мать. – Может, Виктор?

– Никуда меня наставлять не надо. Со мной и так всё в порядке.

– Ой, ли? А не напомнить ли тебе...

– Любка, пошли-ка отсюда! – Надя встает из-за стола. – У родителей педагогическое обострение.

– Пошли, – соглашается сестра. – Как бы ни попасть под раздачу.

Вик ноут починил быстро. На следующий же день позволил, сказал, что готово. Только вот сейчас эта оперативность была совсем некстати, потому что она накануне вечером полчаса не могла заснуть, вспоминая его шелковистые волосы. И ярко-голубые глаза в обрамлении совершенно неприлично темных для такого бледнявочного блондина ресниц. И Лилькины слова. И... она перевернулась раз пятьдесят, пока заснула. Предатель Вектор, никогда он еще не был причиной ее бессонницы.

Собственно, и на следующий день Надя была... в растрепанных чувствах – это точнее всего. Но причин для отказа Вику не было – не она ли накануне ныла ему, что ноутбук ей нужен, чем скорее, тем лучше. Пришлось согласиться, хотя видеть его сейчас совершенно не хотелось. Или хотелось, но не так, как обычно... Или... черт, непонятно всё! А во всем

виноваты Вектор и дура Лилька!

– Привет!

Он улыбнулся ей так, как, наверное, улыбался много-много раз до этого, но что-то вдруг перевернулось внутри и комом подкатило к горлу. А Вик демонстративно приняхался.

– Чем у вас сегодня вкусным кормят?

– Ничем! – рывкнула Надя. Потянула за ремешок, висящую на его плече сумку с ноутбуком. – Починил? Спасибо!

– Пожалуйста, – Вик слегка растерянно стащил сумку с плеча, протянул ей.

Она схватила сумку излишне резко, нервно. Будто в прихожей стоял не Вектор, которого она знала с самого детства как облупленного, а чужак, незнакомец. Совершенно непредсказуемый и неизвестный ей мужчина.

– Извини, у меня дела, – сказала она.

– Я так и понял. – Он, кажется, справился с недоумением. – Ну, я пошел тогда? Интернет и почту сама настроишь? Черт!

– Конечно нет, – буркнула она, отступая на шаг. – Проходи уже.

– Чаю хоть нальешь? – Он разувается, наклонившись. Под натянувшейся футболкой отчетливо видны мышцы спины.

Она отворачивается.

– Еще чаю тебе... – ворчит. Снова отдает ему сумку. – Ладно уж, налью. Как всегда – с лимоном и сахаром?

– Да! – отвечает он уже из ее комнаты. – И с печеньем!

– Прямо в чай тебе покрошу, – грозит она, но он не слышит, кажется.

У дверей комнаты она замерла с кружкой в руках, снова, как и вчера, разглядывая его. Ну же, Надя! Это всего лишь Вектор! Тот самый Вектор, который... Ни черта не помогало. Вместо воспоминаний о смешном Витьке из ее детства в голове всплывали Лилькины слова: «У него тело... как у фотомодели... я даже не ожидала! Пресс реально кубиками. А плечи какие, ой, он меня на руках носил! Представляешь, меня! У парня торс такой, я только в журналах такой видела, правда! В одежде не так заметно, он не очень любит обтягивающее носить. Но там, под одеждой...» Врет ведь Лилька, сто процентов врет! Но вдруг накатило острое желание посмотреть самой, что ж там, под этой зеленой футболкой. Нет, она видела Вика без футболки. Даже вообще без всего видела, лет в шесть, на речке. Но это не считается! А теперь-то что делать? Не скажешь же ему: «Эй, Вектор, а ну-ка разденься!»

То, что она сделала дальше, ни объяснений, ни оправданий не имело. Чистый импульс, которым она имела обыкновение иногда поддаваться.

– Ай! Дура! Надька! – Он подскакивает на стуле от того, что содержимое кружки опрокидывается ему на футболку и джинсы. – А-а-а! – болезненно шипит он, в одно движение сдергивает через голову футболку, затем – оттягивает от ноги горячую ткань джинсов. – Ты что творишь?

– Прости! – Ее раскаяние абсолютно искренне, потому что... Ну, правда, дура же! Чем думала только! Так можно и ожог человеку обеспечить. – Вить, прости ради бога! Рука дрогнула.

Он бормочет что-то под нос, ругательно-неразборчиво, разглядывая мокрое пятно на джинсах.

– Сильно обожгла тебя? Больно?

– Да не особо, – ворчит он. – Испугался от неожиданности. И как я домой пойду, весь мокрый?

От греха подальше она ставит кружку с остатками чая на стол.

– Я футболку на батарею сейчас повешу, высохнет быстро. И... джинсы тоже... если хочешь.

– Не хочу, – буркнул он, снова сел за стол, ухватил кружку и отхлебнул. – Эх, чай-то какой вкусный! А ты его проливаешь.

– Я сейчас еще печенья принесу, – виновато ответила Надя, подбирая брошенную на пол футболку.

А потом, вернувшись снова и поставив перед Виком тарелку, поняла – она же своего добилась. Он сидит в ее комнате за столом, привычно запустив пальцы в волосы. По пояс голый. И снова внутри что-то противно и без спросу переворачивается. Лилька не врала!

Ни грамма лишнего веса, идеальное тело. Руки... Как она раньше не замечала, что у него такие рельефные руки? Широкие плечи, узкая талия. Господи, ну надо же было пом-

нить, что он спортсмен! А она упорно не обращала внимания на очевидные вещи! Стоять рядом вдруг стало страшно – кожа у него такая гладкая, ни малейших изъянов, ни родинок. Так и манит протянуть руку и проверить, какая она на ощупь...

– Надь, а можно мне еще чаю? А то было на доньшке.

Она моргнула, очнувшись.

– Да, конечно.

Потом она на всякий случай отошла к окну. И от него по-
дальше, и спереди можно... хм... рассмотреть.

А глаза отчего-то закрыть хочется. Зажмуриться от его бесстыжей обнаженности. Вик, похоже, совершенно не парится тем, что сидит тут полуголый – то волосы свои терзает, то по кнопкам деловито стучит. А ей становится уже нереально жарко и трудно дышать. Вид Виктора Баженова спереди мог похвалиться приличным рельефом грудных мышц и отсутствием растительности. Ну да, Лилка говорила... Боже, почему она не может забыть весь тот восторженной бред, который выслушивала от влюбленной подружки? У него должны быть... ей отсюда не видно... немного золотистых волос вокруг сосков и тонкая полоска по животу туда, вниз... А-а-а! Это же не ее воспоминания!

Надя отвернулась, прижалась к холодному стеклу лбом. Хорошо. Просто отлично. То, что нужно!

– Я всё.

Она повернулась лишь для того, чтобы упереться взгля-

дом в его голую грудь. Ох ты, черт... Лилька правду сказала. Немного золотистого вокруг темно-розовых... и, действительно, словно разделяя живот надвое, такого же золотистого оттенка стрелка, указывающая вниз, уходящая под широкий кожаный ремень... Он вообще соображает, что делает?! Стоит перед ней тут полуголый, сволочь, эксгибиционист, мерзавец!

Надя может лишь глаза на него поднять и сглотнуть. Говорить не получается, сердце только что не выскакивает из грудной клетки. Ой, она сейчас какую-нибудь глупость делает!

– Слушай, – он задумчиво снова запускает руку в волосы. – Я спросить у тебя хотел...

Этот жест словно выводит ее из полугипнотического состояния.

– Да прекрати ты волосы свои теребить! – Она раздраженно дергает его за руку вниз. – Можешь их в покое оставить? И так на чучело похож!

– Ладно-ладно... – Он даже на шаг отступает от нее. – Странная ты какая-то... раздраженная. Критические дни?

– Не твое собачье дело! – Ах, как хорошо на него злиться! Гораздо приятнее, чем разглядывать его тело и сходить с ума непонятно от чего! – Спрашивай, чего хотел?

– А... это... – Он привычно поднимает руку, но, обожженный ее яростным взглядом, тут же опускает. – Я про Лилу хотел спросить... то есть попросить тебя... Или...

– Что такое? Богданова неправильно минет делает?

Теперь уже он отвечает ей весьма нелюбезным взглядом.

– Вот с этим я как-нибудь сам разберусь! – Потом запал у него пропадает, он вздыхает. – Ты понимаешь... она так ко мне относится... а я...

– Она в тебя влюбилась, – выносит безжалостный вердикт Надя, скрестив руки на груди. От греха подальше. Хотя она вроде бы уже пришла в себя.

– Да, – со вздохом соглашается он. – Наверное.

– А ты?

– А я – нет.

– Подлец ты, Вектор, – произносит она с каким-то странным, непонятным ей самой, удовлетворением.

Он вдруг смотрит ей прямо в глаза. Стоит напротив окна, и в его глазах отражается голубое мартовское небо, делая их еще... светлее? Ярче?

– А ты можешь влюбиться по собственному желанию, Надя? Просто чтобы ответить взаимностью тому, кто влюбился в тебя?

– Э-э-э... – Странный какой-то вопрос, а более всего непонятны его серьезный тон и вопрошающий взгляд. – Нет. Наверное, нет. Не могу.

– Вот и я не могу влюбиться... на заказ. И разлюбить по приказу... тоже не могу. Может, и хотел бы... но не могу.

Теперь он смотрит куда-то поверх от ее головы, за окно. И это хорошо, потому что ей отчего-то опять неспокойно, и

слова его непонятные, и близость тревожащая...

– Вик... – Она все-таки собирается с мыслями. – Пропусти меня... Я пойду, посмотрю, как там твоя футболка.

– Да, конечно. – Он послушно отступает назад. Но все равно она умудряется задеть плечом его голую грудь. Из комнаты она едва ли не убегает.

Глава пятая

*Прошла любовь, увяли помидоры,
галоши жмут, и нам не по пути»*

Фольклор

Он вляпался, это очевидно. Нет, Лиля, безусловно, замечательная. Привлекательная, сексапильная, раскрепощенная. Да и вне койки с ней было... неплохо, как минимум. Всем она была хороша. Кроме того, что НЕ была Надей Соловьевой. Но это еще полбеды. Хуже было то, что у Лили проснулись к нему чувства! А это было совсем плохо. Не любил он этого. Эмоции так все усложняли. Почему нельзя ограничиться хорошим сексом и еще чем-нибудь сверху? Но нет! Надо обязательно попытаться втянуть его в отношения. Он ненавидел это слово! Не нужны ему отношения, никакие. Не хочет он приходить к ней в гости и знакомиться с мамой. И с знакомиться не хочет! И в клубы с ней ходить – тоже! И вообще...

Надо что-то делать, что-то решать с Лилей. Ситуация фиговая для них обоих. Лилия ждет от него того, что он не может ей дать, он же тяготится ее чувствами к нему. И еще Надька на него фыркает! Будто это не она познакомила их! И не она дала свое высочайшее благословение! От нее одни неприятности в его жизни. Он устал болеть ею. Как же хочется вы-

здороветь...

Черт бы побрал эту заразу Лильку! Ведь теперь Надя совершенно отчетливо представляла, о чем именно говорит подружка. И она точно знает, какие шелковистые у него волосы. И бицепсы, и кубики – это она тоже воочию видела. Но мазохистски выслушивает все то, что Лилька ей рассказывает, уже совсем иначе это воспринимая. Ибо знала, видела, прикасалась! А теперь слушала и тихо сатанела. Они это делают специально! Потом голова холодела, и она не понимала, что на нее нашло. Ведь это всего лишь Вектор. Долговязый, вечно лохматый Вектор, в идиотских футболках, дражных джинсах и кедах. Но стоило Лильке заикнуться о чем-нибудь этаким – и снова... Упругие шелковые пружинки под пальцами, золотистая стрела, улетающая под ремень... Она убеждала себя, что щеки у нее горят и сердце бешено скачет исключительно от гнева. И ни от чего другого.

Обо всех своих совершенно несвойственных ей противоречивых эмоциях Надя, однако, на время забыла. Пришлось утешать подругу. Этот придурок Вектор ее бросил! Глядя по голове рыдающую у нее на плече Лилу, она бормотала что-то утешительное. И соглашалась, что – да, он болван и скотина, и что – да, он все-таки такой классный. И – да ладно, Лилечка, не на нем одном свет клином сошелся. Забудь, он тебя не стоит, другого найдешь. А сама старательно заталкивала поглубже чувство совершенно неправильного удовлетворения от того, что Вик бросил Лильку. Да не все ли ей рав-

но, в конце-то концов! Нет, конечно, не все равно, вон как подруга убивается.

И это затолканное поглубже удовлетворение прорвалось-таки. Как раз тогда, когда человек наиболее уязвим для пакостей своего подсознания. То есть – когда он пьян. Нет, можно было по отношению к красивой девушке выбрать иное слово. Навеселе, подшофе или нечто другое. Сути это не меняет. Ей было страшно весело, легко и она не соображала, что делает. Соответственно все-таки прямым текстом – Надя была пьяна. Именно поэтому водителю такси, увозившему ее из клуба, был назван отнюдь не домашний адрес. Именно поэтому третий час ночи был безоговорочно признан самым подходящим временем, чтобы устроить противному Вектору головомойку за то, что он так обидел Лилю. Да как он посмел? Бросить Надину подругу!

Дверь на не снимаемый с кнопки звонка палец никак не реагировала. Что такое? В нетерпении Надежда притопнула ножкой. Нет дома? Где шляется, почему не ночует дома? А в голове вдруг, в разрез с ее намерением отругать Вектора, острым ножом видение тонких пальцев с Лилькиным маникюром в его кудрях, рыжих волос поперек кубиков прессы и... Она забарабанила в дверь. Та поддалась, приоткрывшись на ширину ладони, явив собой в просвет один прищуренный сонный глаз, лоскут серых трусов и одну ногу. Всё это великолепие венчало как раз уместное сейчас, посреди ночи, разворошенное гнездо светлых кудрей.

– Надя? – удивился он.

– Нет, Дед Мороз! – рывкнула она, толкая дверь. – Впусти меня, гостеприимный ты мой!

Он отступил на шаг, распахивая дверь шире. Она зашла, хлопнув за собой дверью. Звук в ночной тишине вышел очень громкий, Вик недовольно поморщился.

– Ну и какого черта ты встречаешь гостью в одних трусах?

Весьма симпатичные серенькие боксеры, кстати.

– А... Что? – уставился он на нее изумленно. – Гостью?

– Да!

– Возможно, мой вопрос покажется тебе странным. И даже неуместным, – он, как и Надя, упер руки в бедра. – Но какого черта ты делаешь у меня дома в...

О-о, на нем, кроме трусов, еще есть часы. И это так... сексуально смотрится.

– В половине третьего ночи?

– Мне не хотелось ехать домой. – Она картинно вздохнула, надула губки. Невинный взгляд из-под длинной челки. – Меня там будут ругать.

– За что?

– За то, что я выпила... лишнего.

Он изумленно хмыкнул. Но самое удивительное было впереди.

– А ты же не будешь меня ругать, Вик? – Надя шагнула к нему, положила руки на плечи, доверчиво прижалась щекой к теплой груди. Легонько выдохнула: – Правда? Не будешь?

И не прогонишь?

Он замер. Надя, такая нежная, хрупкая. Ее упоительно пахнущие волосы рядом с его губами, она на каблуках достаёт ему даже до подбородка. И она прижимается к нему – крепко, сильно, ее ладони на его спине. Сама, по своей воле. Здесь нет никого, только он и она. Не надо никому ничего демонстрировать и доказывать. Но она все равно обнимает его. О, черт, на нем же из одежды одни трусы, и те мало что скроют при случае. А случай наступает, просто-таки неотвратимо...

Она замерла. Теплый, гладкий. Пахнет чем-то мужским и сном. Ужасно вкусный и домашний. Такого надо тискать и мурлыкать. Чуть поворачивает голову, чтобы коснуться губами кожи на груди. Вау... Тут же хочется то ли лизнуть, то ли куснуть... И... ой, что это ей упирается в живот... или кажется? Или нет, не кажется?

Он в одно движение высвободился из ее рук.

– Не выгоню, – сказал резко. И шагнул в комнату: – Сейчас, постель приготовлю.

Вдруг стало холодно и одиноко под руками, губами, там, где только что было теплое и приятное. Она посмотрела ему вслед. Как он посмел ее оттолкнуть, когда она его обнимает? Надя скинула туфли и сердито протопала в комнату.

Баженов, как ни в чем не бывало, производит поиск в стенном шкафу. Поднял руки, шарит что-то на верхних полках. Ох, какая же у него спина. И... хм, да... Снова права

Лилька. Задница просто потрясающая.

– Ты что там делаешь, весь из себя такой домовитый?

– Постельное белье ищу. Свежее, – буркнул он, всё еще не оборачиваясь. Ему очень хочется надеяться, что она не заметила... Но поворачиваться лицом, а точнее... передом... пока не стоит.

– Свежее? – хмыкает Надя. Чувствует, что начинает злиться. А она сейчас не в том состоянии, чтобы контролировать себя. – Зачем? Что, дрочил в кровати, Вектор?

Он замер. Смертельно хочется повернуться к ней и... сделать что-нибудь! Вместо этого вздохнул – глубоко, медленно. А за его спиной она заворуженно наблюдает за тем, как поднимаются и опадают его плечи.

– Нет, – ответил он спокойно. – Более того. Белье я менял недавно, но уже после того, как в этой кровати последний раз была Лиля. Так что только я спал на этом белье. Пару дней. И... хм... не рукоблудил. Не успел просто.

У нее даже щека дернулась, и ногти больно-больно в ладони впились от желания ему врезать! Куда-нибудь поизощренной.

– Тогда оставь это белье. Я спать хочу!

– Хорошо. – Он все-таки достает что-то из шкафа. Невозможно натягивает на себя трикотажные серые, в тон трусам, штаны, такую же толстовку. Шапку на непокорные кудри. Шапку? Шапку-то зачем?

– Вик, ты куда собрался?

– На балкон. – Он прихватывает под мышку что-то черное, скатанное в рулон. – Спать.

– Ага, сейчас, как же! – У нее совершенно неконтролируемое желание перечить ему, ругаться с ним, скандалить. – С ума сошел! Там холодно!

– У меня спальник теплый! Я часто сплю летом на балконе, – резко. В ее протянутую руку шлепается полотенце. – Держи, свежее. В ванной сама разберешься, надеюсь?

– Но сейчас-то не лето! Чего ты боишься? Не буду я на твою честь юношескую покушаться!

– Не твое дело! – рывкает он. И шагает к двери.

Но она успевает встать перед ним.

– Не пушу! – Она уперла руки в боки. – Ты еще в подъезд иди спать – на радость соседям!

Он молчит какое-то время, потом сдергивает шапку, швыряет ее куда-то в угол.

– Я пошел спать на кухню! Всё, довольна?

Она остается одна, так и не поняв толком, что произошло. Но вдруг остро накатывает сонливость, усталость. Спать, спать... Утро вечера мудренее.

Выйдя из душа в одном полотенце, она постояла на пороге кухни. Неужели и вправду спит? Нечто смутно угадываемое, темное, вытянутое лишь отдаленно напоминало человеческую фигуру. Интересно, не мерзнет там на полу? Или тепло ему в спальнике? И она мгновенно вспомнила, какво это – прижиматься к нему, почти обнаженному, теплему,

такому... домашнему и вкусно пахнущему. Черт! Собственная обнаженность стала резко досаждать, а взгляд ее упал на брошенную на стул футболку. Вот в ней-то она и устроилась спать.

Футболка пахнет им. Белье на постели пахнет им. Это запах шампуня, геля для душа, дезодоранта, парфюма? Ей кажется, что это его запах, только ему присущий. Чертов Вектор, он даже пахнет вкусно! Аромат будоражил воображение, но алкоголь в крови взял свое. И она все-таки заснула.

Утро бесцеремонно разбудило ее солнечным лучом прямо в глаза. Она застонала, жмурясь и натягивая на голову одеяло... Вик, идиот! Он не знает, что есть такая штука – шторы?

– Тебе кофе сварить? – услышала она рядом.

– И ванну набрать, – буркнула Надя из-под одеяла. – С ароматизированной морской солью.

– Морской? – слегка недоуменно уточнил он. – Нет морской. И ароматизированной тоже нет. Поваренная подойдет?

Издавается, скотина!

– Нет! Тогда уж лучше с пеной!

– Пеной для бритья?

В него полетела подушка, но он этого даже не заметил. Со сладострастным ужасом смотрел на сползшее одеяло, а под ним оголившаяся почти по самую попку нога, у самого лишь верха бедра перечеркнутая его футболкой с надписью «Если хочешь меня – улыбнись». А трусиков на ней нет, он это совершенно точно знал, потому что это было первое, что

он увидел, войдя утром в ванную комнату. На «змеевике» – нечто черное, небольшое, состоящее почти из одних ленточек и пары прозрачных микроскопических лоскутков. Его мгновенно бросило в жар, когда он представил ЭТО на Наде. Вмиг стало так душно, что хоть раздевайся. Почти непреодолимое желание взять ЭТО в руки... потрогать... прижаться лицом... Он засунул руки глубже в карманы и, резко повернувшись, вышел из ванной. Обойдется он пока без душа! Надо сохранить хоть какое-то подобие здорового рассудка.

Завтракать Надя отказалась, лишь выпила кофе натошак. Чувствовалось некое взаимное смущение. «Что она вчера заметила?» – думал он. «Что я вчера натворила?» – думала она.

Торопливо поблагодарила за кофе и ночлег, кивнула неловко – и вот ее каблучки застучали по ступеням, зашумел лифт. А он прижался лбом к закрытой двери. Как ураган, как тайфун. Пришла, разворошила все и исчезла, оставив опустошение. Слышно, как лифт поехал вниз. Надо пойти позавтракать. И садиться за работу. Загадочные иностранцы, которых он окучивал уже два месяца, наконец-то соизволили ответить. И ему надо хорошенько подумать, что написать им в ответ. Да и Тепеш задач подкинул. Словом, есть чем заняться.

Вместо этого Виктор прошел в комнату, сел на краешек кровати. Его собственная футболка. Она в ней спала ночью. Протянул руку, коснулся нерешительно. А потом подхватил

резко, уткнулся в нее лицом. Пахнет... пахнет ею... Сладостно, до дрожи, сводит с ума. Он откидывается назад, переворачивается на живот. И подушка... подушка пахнет ее духами. И отчетливо понимает вдруг, что очень долго не будет менять этот комплект постельного белья. Потому что он фетишист. Жалкий фетишист, которому ничего более не светит. Настроения работать нет совершенно.

Дома ей всыпали по первое число. Даром, что она отправила эсэмэску Любке, что будет ночевать у Вектора. Всё равно Надя оказалось виновной во всех смертных грехах. Вообще-то, права была мать. Кто бы ей вчера ночью так мозги прочистил... Какого лешего ее понесло после клуба к Вектору? Воспоминания смутные и какие-то... странные. Они обнимались в прихожей?.. Невероятно! И еще... этого быть не может, но... у нее ощущение, будто у него была... реакция на нее... конкретная такая, здоровенная реакция. Или... ей все же показалось? Все-таки она вчера была... не совсем в ясном сознании. Но воспоминание о его телесной близости было, наоборот, четким, стоило глаза закрыть – и сразу ощущение его гладкой теплой кожи под ее пальцами, щекой, губами. Она тряхнула головой, прогоняя непрошеное наваждение. Чего только спяну не привидится и не причудится! Это же всего лишь Вектор! Но эта мантра отчего-то совсем перестала работать...

– Надюша, ну нельзя так! – Мама все еще кипит.

– Мам, я же предупредила, что не приду домой, – Надя

привычно оправдывается. – И потом, я ведь у Витьки ночевала.

– Надя! Он же молодой человек! А ты так говоришь, будто у подружки осталась.

– Мама! – Надя закатывает глаза. – Какой он молодой человек! Он Вектор! – Она так убедительно врет, что даже начинает себе верить.

Мать только вздыхает, удивленно качая головой. А Надька быстренько смывается под шумок к себе в комнату.

Вера Владимировна неспеша пьет чай, задумчиво глядя в окно. Что за нравы у современной молодежи? Или это только ее старшая дочь такая? Она устало трет лоб. Вот у Баженовых сын вырос – можно только позавидовать. Статный, хорош собой, умница, учится отлично, уже оканчивает. Живет отдельно от родителей, самостоятельный, не бедокурит. Золото, а не парень. Куда только Надежда смотрит? Да такого хватать надо, умный, красивый, из хорошей семьи. Где она такого найдет? А у этой дурочки один разговор: «Это не парень, это Вектор!» Кто бы ей глаза открыл... на сокровище у нее под носом. Ага, будет она кого-то слушать... Вера Владимировна вздыхает, улыбается невесело своему отражению. Старшая дочь... Самый сложный характер. Самоуверенная, гордая, испорченная всеобщим поклонением и обожанием... Совсем как ее отец.

Глава шестая

*Обратный билет должен стоить дорожке,
можно, в конце концов, не поехать,
но нужно вернуться.
Альфонс Алле.*

Весна была совсем некстати. Некстати сырой, пахнущий ветром и переменами апрель, с его ярким солнцем днем и пронизывающим сквозняком – стоит только неосмотрительно приоткрыть окно. Воздух влажный, холодный, но пахнет так... особенно вечерами... что хочется делать глупости – любые, по настроению. Вплоть до кошачьего желания влезть на крышу и мяукать на лимонную дольку месяца. Но вернее всего – гулять по политым дождем, темно-блестящим дорожкам парка, старательно обходя лужи, когда они видны в свете появляющейся из-за облаков луны, и благополучно шлепая по ним, когда луна прячется. А еще целоваться, разумеется – стоя, потому что все лавочки мокрые, радуясь темноте вокруг и тому, что кроме них, ни у кого нет желания гулять поздним апрельским вечером.

Настроение было до того непривычно и неприлично романтическое, что впору врачу показываться. Не водилось за ней раньше таких мыслей и желаний, а весна – пора лишь сезонного насморка и смены гардероба. Но целоваться в парке после дождя хотелось просто смертельно. Она даже знала –

с кем. И это было верхом неприличия и ненормальности.

Лилька стала ее самым настоящим проклятием. Действуя по методу «Подобное надо лечить подобным», она закрутила роман с каким-то баскетболистом, при знакомстве с которым Надя чуть было не свернула себе шею в попытке посмотреть человеку в лицо. А она-то думала, Вектор высокий... Роман у Лильки вышел бурный, хотя подруга по-другому и не умела. И снова Наде пришлось выслушивать комментарии и описания. Но хуже всего было то, что Лиля их подсознательно сравнивала – своего «медведя», как она его называла, и Вектора. Причем, хоть и неосознанно, далеко не всегда в пользу косолапого. И Надя ее прекрасно понимала. Вот же противный какой, уже двум девушкам покоя не дает!

Апрель будоражил, звал за собой, подталкивал в сторону глупостей, но вокруг не было никого, с кем бы их хотелось делать. Поклонники привычно крутились вокруг нее, приглашения сыпались: в ночные клубы, кино, театр – в зависимости от фантазии и воспитания окружавших ее молодых людей, даже на первое весеннее барбекю за город приглашали уже, но – увольте! Не любительница она таких пасторалей. Парней рядом с ней привычно много, но в голове кучерявой занозой – Вектор! И она отказывала всем, но никого особенно эти отказы не удивляли. Это же капризная, избалованная и бесконечно желанная Надин Соловьева. Десять раз откажет, прежде чем на одиннадцатый согласится. Но ей соглашаться вообще не хотелось, ни с кем. Ждала чего-то...

Не пойми чего. Или кого.

Он работал, не поднимая головы. Ситуация с иностранцами наконец-то прояснилась, они рискнули обозначить свой интерес к разработкам Вика, и теперь пришла очередь ожесточенной торговли. Вик рассчитывал продать себя и свои графические библиотеки максимально дорого. И сейчас в деловой переписке был очень аккуратен – чтобы заинтересовать их и не сказать лишнего при этом. Они не должны сорваться с крючка.

А тут еще Тепеш как взбесился. Ему не нравилось ничего из того, что делал Вик. Все было не так, заставлял переделывать по несколько раз, придираясь к совсем уж ерунде. Обострение у него, что ли? Вик сцеплял зубы и терпел. Даже на гастрономические попытки его утихомирить Теплов не реагировал, точнее – реагировал, но не так, как положено. «Смерти моей хотите, Баженов? Я человек пожилой, и желудок у меня уже не тот, что в молодости. Уберите это!». А раньше ЭТО с радостью уминалось стариком. Может быть, действительно, в этом все дело? Болеет и от того капризничает? В любом случае, выбора у Вика не было – терпел и работал.

Весна шептала в окно, что можно бы заняться чем-то другим. Да только времени не было совершенно. А более чем времени – не было желания, ни малейшего. Либи́до, после горячей, как и все рыжие, Лили, вело себя прилично и даже изображало понимание непростой жизни студента-диплом-

ника. Да уж, какие тут девушки, какая весна, когда от твоих усилий зависит твоя будущая профессиональная карьера.

Надя не звонила, не вызывала своего верного пажа к себе. Ничего не ломалось, ничего не срывалось. С приставучими поклонниками, видимо, справлялась сама. Оно и к лучшему – убеждал себя. Не до девушек ему сейчас, и уж тем более – не до Нади Соловьевой. Но скучал ужасно. То постельное белье, на котором она спала, едва заставил себя с кровати снять. А ведь это уже было просто... он псих, точно!

Работа над дипломом и виртуальная нервотрепка с иностранцами так вымотали его, что Вик решил позволить себе передышку. Отдохнуть, расслабиться, хотя бы ненадолго. Иными словами – пригласил друзей к себе: попить пива, потрепаться, может, поиграть во что-нибудь.

Вообще, наличие собственного жилья вызывало к Вику повышенный интерес среди однокашников, но попытки сделать из его квартиры перманентную базу для всевозможных алкоигрищ он пресек сразу. Нет, тут он был абсолютно солидарен с английскими джентльменами: «Мой дом – моя крепость». Но гостям бывал рад – особенно званым, в отличие от нетрезвых красавиц в три часа ночи.

Правильно сделал, что пацанов позвал. Пива попили, сели играть в «вовку», но так ржали, выпившие дураки, что натворили там дел и их повыгоняли отовсюду с позором. Да и не больно-то и хотелось, собственно. Им нашлось чем себя развлечь и о чем поговорить и без ноутбуков. Вечер опреде-

ленно удался, и уже подумывали о том, кого послать за второй порцией, как вдруг...

Первая мысль при звонке в дверь – они таки допекли соседей своим громким ржаньем. И те пришли ругаться. Например, невероятно брюзгливый мужик, живущий наверху, который имеет привычку то спать, то работать дома, когда у Вика самое веселье.

Вик срочно попытался изобразить серьезное выражение лица. Видимо, удалось скверно – парни просто закатились, повалившись друг на друга. Вик потер лицо руками, словно пытаясь убрать с лица совершенно неуместную ухмылку. Пригладил волосы, но это так, рефлекс, толку все равно нет. Шикнул на ржущих друзей и пошел дверь открывать, на ходу придумывая оправдания за шум.

Но за дверью оказалась... Надя. Он стоял и молчал, глядя на нее.

– Ну? Не пригласишь войти?

Вик отступил на шаг, все также молча. Явление Нади неожиданно. И поэтому чуть более чем всегда сногшибательно.

– Добрый вечер, мой юный друг Вектор. – Она ведет себя как ни в чем не бывало. – Кто у тебя? Гости?

Ему почему-то трудно говорить. А вот смотреть – легко. Он лишь кивает молча, не отрывая от Надежды взгляда.

Это было попросту неприлично, если не сказать – позорно. Но она по нему скучала! Не виделись-то всего... не боль-

ше месяца. Но желание увидеть его перестало поддаваться контролю. И она просто приехала, потому что звонить, придумывать поводы для встречи – нет, это было ниже ее достоинства. Она хочет его видеть – что ж, значит, увидит. Завел моду – игнорировать ее! Она ему покажет, чем это чревато! Двадцать минут лишних потратила на то, чтобы Вектор точно понял, кто перед ним стоит. Мисс Совершенство.

– Что это у нас тут? – Надя проходит в комнату, не дождавшись приглашения. – Вечеринка ботанов? Как мило.

Против воли Вик усмехается, наблюдая все оттенки изумления на лицах друзей. Включая вытаращенные глаза и банально отвисшие подбородки. Таких девушек у них в политике не водилось. Все больше парни, ну если и девы, то... хм... не слишком симпатичные. Но ради справедливости стоит отметить – Надя сегодня особенно ослепительна, тем более для неподготовленных людей. Брючный костюм, ярко-синий, цветом чуть светлее глаз, так на ней сидит, будто родилась она в нем. Узкие брюки, обтягивающие безупречные ножки, черные стилеты шпилек и такого же цвета топ под умеренно свободным пиджаком на одну пуговицу. Волосы убраны от лица назад – кажется, небрежно, но вряд ли так. Более всего она сейчас похожа на блестящую бизнес-леди. Впрочем, на блестящую студентку МГИМО тоже похожа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.